

Господи, когда уже этот ублюдок кончит?.. Хэён вот-во должен был закончить разговор, а Тхэгём не подавал признаков близкой эякуляции, и он начал нервничать. В конце концов, Хэвон широко раскрыл рот и, обхватив губами, втянул член глубоко в горло. Одновременно с этим напряжённый живот Тхэгёма дёрнулся.

— Х-х... Чёрт, как же хорошо...

— М-м! М-м-м...

Челюсть онемела, губы, растянутые до предела, вот-вот готовы были порваться. Он выпустил скользкий от слюны член и быстро провёл по нему языком. Причмокивая, он сосал блестящую головку, обеими руками обхватив основание и покачивая им. Тхэгём, наблюдая за этим, сначала откровенно обалдел, а затем фыркнул:

— Охуеть, да ты псих...

Ответом ему было причмокивание.

Хэвон просто торопился. Этот чёртов член должен был наконец извергнуть сперму. Задерживая учащённое дыхание, он не переставая работал ртом и руками.

Тхэгём, тяжело дыша, раздвинул ноги ещё шире и нежно погладил тонкие волосы. Сосредоточившись на его покрасневшем лице и хлюпающих звуках, он вскоре почувствовал приближение оргазма.

— Бля!..

— М-м-м!..

Тхэгём схватил Хэвона за волосы, оттянул назад и провёл рукой по своему члену.

— Ах, Хэ...

Хэвон, догадавшись о его намерениях, попытался вывернуться, но волосы в железной хватке резко дёрнули назад, и острая боль от натянутой кожи головы заставила его вздрогнуть.

— А-а!

— Х-х-а...

Тхэгём кончил Хэвону в открытый рот. Проведя рукой по члену ещё несколько раз, он выжал остатки спермы и размазал их равномерно по его губам. Не только покрасневший язык, но и область вокруг рта покрылась белыми пятнами спермы. Хэвон не мог заставить себя закрыть рот. Он хотел выплюнуть тёплую солоноватую жидкость, но для этого ему пришлось бы снова набрать её в рот. Он оказался в безвыходном положении. Не зная, что делать, он беспомощно водил глазами, погружаясь в панику.

— М-м-м...

— Проглоти. Быстро.

Тхэгём отпустил его волосы и собственноручно сомкнул его разинутые челюсти. Хэвон, сделавший плаксивое лицо, отчаянно мотал головой, но рука не отступала.

— Глотай, я сказал.

Тхэгём, всё ещё державший его за волосы, задумался, затем зажал его прямой нос пальцами и закрыл ему рот. У Хэвона перехватило дыхание, и он заёрзал на коленях.

— Х-м-м, м-м!

— Ну же. Глотай.

Через мгновение кадык Хэвона дрогнул. Тхэгём, глядя на его лицо, искажённое отвращением, стиснул зубы, с трудом подавляя смех. Со Хэён держит такую прелесть рядом, но, дурак, не использует. Он ущипнул побледневшие щёки Хэвона и слегка потряс их.

— Ох, и хорош же ты.

— Кх-кх... Бля...дь!..

Хэвон в панике поднял руку и стал яростно вытирать губы. Незнакомый привкус, застрявший во рту, был невыносимо противен. Пока Тхэгём, насвистывая, приводил себя в порядок и поправлял одежду, Хэвон плюхнулся на ковёр, давась и пытаюсь избавиться от странного послевкуся. Он сглатывал слюну, которая упорно скапливалась во рту, как вдруг протянутая рука резко подняла его и усадила на диван.

— Эй, ты, бля!..

В тот миг, когда он собрался взорваться от злости, большая ладонь крепко прижала его бедро.

— Ах. Юн Хэвон, ты просто ужасен.

В руке у него оказался отброшенный джойстик. А за спиной послышался лёгкий шорох тапочек о мраморный пол. Звук пальцев, постукивающих по спинке дивана, лёгкий толчок в плечо, аромат, садящийся рядом. И следующий за этим голос:

— Проиграл?

— Ага. Юн Хэвон всё проиграл. Он уже не тот, что раньше.

На мониторе с того момента, как Тхэгём бросил джойстик, висело сообщение «Игра окончена». Мерцающий экран с трудом можно было понять — то ли он праздновал поражение, то ли насмеялся. Хэвон сглотнул скопившуюся слюну и стал теревить лежавший на коленях джойстик.

Запах спермы. Кажется, он чувствуете... Он не мог поднять голову. Боялся, что стоит открыть рот, как белая сперма потечёт ручьём. И руки. Руками он тоже трогал член этого типа... Пока Хэвон украдкой вытирал ладони о брюки, лёгкое прикосновение коснулось его плеча, и он вздрогнул, подняв голову. Со Хэён был слишком близко. Он затаил дыхание, опасаясь, что от него тоже может исходить запах. Чёрная обводка, внутри — карие зрачки прямо встретились с его взглядом. Со Хэён какое-то время молчал, а затем спросил с недоумением:

— Ты плакал?

Хэвон широко раскрытыми глазами моргнул, а затем поспешно отвёл взгляд.

— А, ага... Проиграл же...

— Из-за игры? Плакал?..

Он тихо кивнул, опустив голову. Было стыдно, но лучше сказать, что плакал из-за проигрыша в игре, чем признаться, что это из-за того, что член Ко Тхэгёма бился о его небо.

Со Хэён недоверчиво смотрел на Хэвона, а Тхэгём фальшиво кашлянул. Из-за этой странной отмазки атмосфера окончательно испортилась. Тхэгём быстро обнял Хэвона за плечи и игриво потрепал его по щеке.

— Нашел из-за чего плакать... Ну, не реви больше, Хэвончик!

— Не смей. Убери руку...

Хэвон, выставив локоть, незаметно ткнул Тхэгёма в бок, тот вскрикнул и упал, схватившись за живот, и начал ныть. Воспользовавшись моментом, Хэвон принялся яростно колотить его по широкой спине, но вдруг замер, выпрямившись. Кто-то потянул за ворот его футболки, и по спине пробежали мурашки.

— Хэвон, а это что?..

Хэвон вздрогнул, инстинктивно прикрыв затылок ладонью, и вскочил. Тхэгём, повалившийся от удара, уловил странную атмосферу и насторожился. Со Хэён, спокойно положив руку на колено, помахал чем-то перед лицом Хэвона, который реагировал слишком бурно.

— Волосок.

— А...

Всего один короткий волосок, но по нему было ясно, откуда он взялся. Хэвон провёл ногтями по затылку, где всё ещё бегали мурашки, и бросил взгляд на Тхэгёма. Тот ответил глупой ухмылкой и пожатием плеч. «Вот врезать бы ему сейчас как следует разок», — подумал Хэвон, сдерживая раздражение.

Взгляд Со Хэёна, отстранённый от их перепалки, быстро перемещался между ними: бесстыдно ухмыляющийся Тхэгём и Хэвон, которого эта ухмылка явно бесила. В воздухе висела странная, липкая атмосфера и что-то... знакомое. Палец, отстукивавший ритм по подлокотнику дивана, замер. Со Хэён, подперев подбородок, усмехнулся.

Хэвончик...

— Пообедай перед уходом. Наверное, голодный.

И чем он всё это время занимался?..

Пожинав и задержавшись до самого вечера, Хэвон почти бежал в магазин. Прибыв на тридцать минут раньше, он увидел, как у работника с предыдущей смены, чьи глаза были белесыми, словно у замороженной рыбы, вдруг появился блеск жизни. Не успев даже как следует поздороваться, Хэвон бросился в туалет на складе. Поднял крышку унитаза и склонился над ним.

Его вывернуло.

Слова Со Хэёна «поешь перед уходом», у которого не было никаких бытовых навыков, означали то же самое, что «приготовь мне». Тхэгём был не лучше, и хотя некоторые спрашивали, не надоело ли ему, Хэвону всегда нравилось есть с Со Хэёном. Холодильник, полный свежих овощей, мяса, рыбы, фруктов и даже десертов. Для Хэвона, который не только жил один, но и был без гроша в кармане, этот холодильник был настоящей золотой жилой. Поскольку Со Хэён не любил пускать в дом чужих, готовить приходилось исключительно Хэвону. И это делало его счастливым. Кормить Со Хэёна, готовить вкусную еду из свежих продуктов.

— М-м, кх...

Но сегодня всё, что он съел, оказалось в унитазе.

Он вцепился в унитаз и выскреб из горла все остатки пищи. Однако сперма, введшаяся в стенки пищевода, так и не вышла, несмотря на несколько приступов рвоты. Он спустил воду и прополоскал рот из-под крана. Горький привкус никуда не делся.

— С тобой всё в порядке?..

Хэвон, набрав воды в ладони и сделав глоток, мельком взглянул в зеркало на сменщицу в синем фартуке. Она беспокойно переминалась с ноги на ногу, не зная, похлопать его по спине или нет.

— А... Да. Всё в порядке.

— Э-э, вообще-то...

Хэвон, вытерев мокрые руки, прошёл мимо неё и накинул синий фартук.

— Иди домой. Я тут справлюсь.

— Э-э...

Сменщица, всё ещё колеблясь, сняла фартук и поклонилась. Она держалась на этой работе в круглосуточке с копеечной зарплатой лишь из личной преданности управляющему, но, похоже, скоро ей всё-таки придётся уволиться. Её раздражал въедливый запах еды, который не выветривался даже при круглосуточно работающем кондиционере. Еда, от которой тошнило, даже если её есть. Противный запах. Хэвон, сдерживая подступающие приступы тошноты, терпеливо тянул унылую смену.

Работа заканчивалась в девять утра. К четверти десятого он был дома.

Наконец закончив смену и вернувшись домой, Хэвон заметил в прихожей незнакомые ботинки, небрежно сброшенные на пол, и с силой провёл рукой по уставшим глазам.

— Пришёл?

«Надо было прикончить его сразу», — мелькнула мысль. Убить, закопать в ближайшем лесу, быть пойманным, сесть в тюрьму. Всё равно непонятно, как выживать дальше, так что, может, это и не худший вариант. Лицо Хэвона исказилось от горького сожаления. Тхэгём медленно приблизился.

Едва он снял обувь, его швырнули на пол. Тхэгём, скинув с него футболку, пропитанную жарким солнцем, набросился как сумасшедший, жадно впиваясь в его шею. Похоже, он

ожидал, что старую упаковку выбросили, потому что новая смазка и презервативы уже лежали распакованные. Хэвон, воспользовавшись моментом, пнул его по ноге и заперся в ванной.

Это были привычные действия для Хэвона: каждый раз, когда его пьяный отец возвращался домой он вырывался из его хватки и прятался в ванной. Тхэгём, столкнувшийся с этим впервые, не сумел вовремя удержать Хэвона. Тот влетел в ванную с грохотом, прислонился спиной к двери со сломанным замком и скрежетал зубами.

— Ты зачем приперся, ублюдок! Я же только что тебе отсосал! Убирайся на хрен!

Тхэгём, махнув рукой на сломанную, болтающуюся ручку, уперся плечом в дверь. Но из-за Хэвона, упершегося изнутри в дверь, которую нужно было открывать внутрь, сдвинуть её не получалось.

Тхэгём медленно присел на корточки перед дверью и заговорил мягким, заискивающим голосом:

— Эй, Хэвончик... Ну что ты. Это же было... Вчера, вчера же.

— Да пошёл ты! Сам сказал — один раз и всё!

— Один раз плавно перетекает в два, два — в три... Так оно обычно и бывает.

— Ублюдок, ей-богу...

Хэвон, уткнувшись лбом в колени, смотрел на плитку, с которой не оттиралась грязь, сколько её ни мой. Пожелтевшая плитка, местами облупившаяся по краям, выглядела убого. Он был смертельно уставшим. Потерев глаза и снова опустив голову, он услышал, как Тхэгём продолжает:

— Ну разве это плохо? Тебе же тоже было хорошо, и мне хорошо.

Сначала он вёл себя высокомерно.

— Хэвончик. Юн Хэвон. Ты что, думаешь, я, блядь, скажу Со Хэёну: «Спасибо, что ты так хорошо хранишь его задницу»? А? Думаешь, я так скажу? По-твоему, на такое я способен?

А затем он разозлился.

— Открой для начала. Давай обсудим всё, как цивилизованные люди.

Потом начал заискивать. Через единственную дверь с редким древесным рисунком летели уговоры и отказы, угрозы и ругань.

Хэвон то отвечал Тхэгёму, то игнорировал его, пересчитывая целые плитки на полу. И лишь спустя минут десять до него дошло. Жил тут столько времени и не замечал — целых плиток почти не осталось. В тот миг, когда он это осознал, дверь выбили. Хэвон, повалившийся вперёд, не стал отталкивать Тхэгёма, который ворвался в ванную и уже стаскивал с него штаны.

Он устал. Позавчера, вчера и сегодня — всё вместе. Просто смертельно устал.

Хэвон тяжело дышал, обхватив шею другого человека. В его маленьком, убогом жилище, в крошечной ванной комнате, под совсем небольшим окошком, он задыхался от чужих прикосновений. Тхэгём, закинув его длинную правую ногу себе на руку, прижался к нему. Хэвон то и дело бился затылком о холодный кафель, и Тхэгём, прикрыв его голову ладонью, прижал её к своему плечу, а затем двинул бёдрами, входя в него. Было больно. Боль от члена, насильно раздвигающего воспалённый вход, была невыносимой.

— М-м-м...

— Эй... Брось работу в том магазине. Я буду давать тебе денег. Ладно?

Хэвон уткнулся лицом в мокрое плечо, игнорируя эти жалкие слова. Тхэгём, возможно, тоже произнёс их в пылу; стиснув зубы, он продолжил двигаться. Хэвон, едва сдержав крик, ударил его кулаком по спине.

— Больно... Медленнее, а-ах!

— Вчера же тебе нравилось до безумия... Хватит притворяться...

— Блядь, да мне правда больно! Больно, ублюдок, слышишь?!

Ха. Тхэгём раздражённо фыркнул и одним резким движением выскользнул из него. Не успел Хэвон выдохнуть, как его резко развернули, схватив за руку. Потеряв равновесие, он пошатнулся и ухватился за старую раковину.

— Что ты!..

Тхэгём пнул его правую ногу. Нога поскользнулась на мокром кафеле, и в момент падения Тхэгём, обхватив его за талию, прижал его к раковине спиной. Упав лицом вперёд, Хэвон поднял голову и смотрел в зеркало на Тхэгёма растерянным взглядом. Тхэгём смотрел на него с таким выражением, какое бывает, когда собираются кого-то избить. Хэвон, полностью открывший ему спину, внезапно почувствовал страх.

Капли воды с мокрых волос Тхэгёма падали ему на позвоночник. Оказаться беззащитным со спины — никогда не знаешь, когда схватят за шею.

И Ко Тхэгём был его врагом. Хотя наедине с ним не было неловкости, но и особой близости тоже не чувствовалось, и сейчас Тхэгём внушал внезапный страх. Искажённые в усмешке губы раздвигались мучительно медленно. Затем послышался хриплый голос, скребущий горло:

— Держись крепче, сука. Давай посмотрим, как тебе это не понравится.

Тхэгём схватил неуверенно лежавшие на раковине руки Хэвона и заставил его крепко ухватиться за её края. Придавлив его спину, он отпустил руки — теперь Хэвон был в таком положении, что если упадёт, то лицом прямо в кран. Не понимая, что будет дальше, Хэвон замотал головой.

— Не!.. Не надо, а-а!..

Три пальца разом вонзились внутрь, смешиваясь с гелем и водой.

— Больно!..

Дырочка, из которой сочился липкий гель, после того, как только что приняла в себя член,

легко приняла три пальца. Но каждый раз, когда они касались распухшего входа, пронзительная боль пробегала до самых волос.

Тхэгём, уткнувшись лицом, сосал затылок Хэвона, выдерживавшего его вес, и двигал рукой взад-вперёд. В узком и влажном пространстве что-то смешивалось и шевелилось. Хлюпающие звуки и звуки сдерживаемых стонов наполняли маленькую ванную. Тхэгём постепенно вгонял пальцы всё глубже, используя уже всю руку, так что тело Хэвона подавалось вперёд.

— М-м!.. М-м-м...

— Больно? Юн Хэвон... Тебе сейчас больно?

Было больно. Низ живота втягивался и выпячивался, напряжённые руки и ноги дрожали, спина непроизвольно выгибалась — и всё из-за боли.

— А, м-м-м... А-а!..

С напряжённого члена капала вязкая жидкость, глаза горели — всё из-за боли.

— Нет... же... Я же сказал, что больно... Блядь, зачем ты это делаешь?

Тхэгём, прижимающийся губами к гладкой коже на его плече, выдохнул горячий воздух. Даже простое втыкание пальцев в сжимающиеся стенки, которые их зажимали, вызывало возбуждение. Прерывистое дыхание, босые ноги, скользящие по мокрому кафелю в попытке вырваться, постепенно выгибающаяся спина... Тхэгём, не переставая, сильно двигал рукой, стиснув зубы.

— М-м-м!.. А-а! А-а... Пожалуйста, хватит!..

Руки, державшиеся за раковину, подкосились. Хэвон упал лицом вперёд, ударившись головой о твёрдую поверхность, и терпел невыносимое удовольствие. Он не мог сдержаться. Когда хлюпающие пальцы внезапно выскользнули, и их тут же заменила толстая плоть, входящая одним движением, его ноги, всё это время беспомощно скользившие, окончательно подкосились.

— Х-а-а...

Тхэгём, обхватив его талию обеими руками и подняв обмякшее тело, двигал бёдрами с той же скоростью, с которой вгонял пальцы.

— Блядь, Хэвончик...

Его тело сотрясали конвульсии. Он не мог сомкнуть челюсти, слюна капала в раковину. Внутри всё содрогалось и переворачивалось от каждого движения члена.

— А, а-ах... По-погоди!..

Держаться на ногах было невозможно. Стопы скользили по холодному кафелю. Нижняя часть живота упёрлась в твёрдую раковину, и Хэвон, едва успев упереться ладонями в стену рядом с маленьким зеркалом, с трудом принял безжалостные толчки Тхэгёма.

— М-м-м!..

Было больно. Так и должно было быть. Он не был пьян, откуда же взяться удовольствию? И всё

же... когда плотный член глубже входил в него, касаясь внутренних стенок, каждое прикосновение отдавалось дурманящей волной. А когда головка натыкалась на ту самую точку, дыхание сбивалось, по спине пробежали мурашки, а ноги начинали дрожать.

— Блядь, больно? Правда больно?

— Хах... М-м!..

Хэвон яростно замотал головой. Капли с кончиков волос разлетелись во все стороны. Противно и больно. Омерзительно и гадко. Так и должно быть. Каждый раз, когда его ягодичи бились о пах Тхэгёма, его хватка ослабевала. Если бы не хлюпающий звук геля изнутри, это походило бы скорее на избиение, чем на секс.

— Эй... Хэвончик.

Тхэгём, схвативший его отнюдь не тонкую талию, сжал её изо всех сил. За этим последовала боль, будто ломаются рёбра, и Хэвон забился ещё сильнее. Не ослабляя хватки, Тхэгём продолжил двигать бёдрами и, встретившись с ним взглядом в зеркале, рассмеялся.

— Блядь, а у тебя встал... Черт возьми. У тебя встал, ублюдок!..

Ошеломлённый Хэвон опустил голову, скользнув взглядом между своих ног. Его напряжённый член с каждым движением Тхэгёма обильно выделял мутноватую жидкость. Нет. Не может быть!.

Поражённый, он уставился на свой покачивающийся член и слабые, дрожащие ноги, издавая невнятное мычание. Затем из него вырвался плачущий крик:

— Х-а-а, а-а... Перестань, прекрати это!.. Сукин сын!

— Ах... Так мне только больше хочется продолжать...

Тхэгём, ни на йоту не ослабевая хватки, продолжал вгонять в него свой член. Хэвон, стеноя и ударяясь щекой о зеркало, крепко зажмурился. Его возбуждённый член тёрся о холодную раковину. Ноги подкашивались.

— М-м-м!..

Из аккуратной головки члена белая сперма вырвала струёй и разбрызгалась по раковине. Тхэгём, выгнув его спину и обхватив дрожащие плечи, потянул Хэвона на себя, а другой рукой провёл по только что кончившему, чувствительному члену, продолжая двигаться.

— Х-а-а! А-а! Прекрати! Я же говорю, прекрати!

Тхэгём, глядя в зеркало на лицо Хэвона, хрипло выдохнул. Тот зажмурился, но слёзы удовольствия проступили на ресницах. Всё его тело выдавало наслаждение: напряжённые соски, сжатые ягодичи, даже дрожь, пробежавшая по животу.

Больно? Да чёрта с два, сука. Тот же уже на грани.

На самом деле, ему хотелось сделать это ещё вчера, в комнате Со Хэёна. Нет, даже в том коридоре. На той лестнице. Прижать с силой, шантажировать слабостью, повалить и трахнуть. Унизить Юн Хэвона в месте, откуда в любой момент мог вернуться Со Хэён.

Совершая короткие, неглубокие толчки, он прошептал ему в самое ухо:

— Хэвончик... Так уж тебе нравится Со Хэён? Хочешь, чтобы он с тобой так делал?

— А-а... Прекрати, прошу!..

Задыхаясь, Хэвон вцепился ногтями в руку Тхэгёма, безжалостно стимулировавшую его. У него было ощущение, что вот-вот что-то не выдержит. Или он сам — растянутый до предела, или его собственный предательски стоящий член.

— Разве Со Хэён такой уж добрый? Что ты в этом ублюдке нашёл... а?

— М-м-х!..

Перед глазами потемнело. Он вставал на цыпочки, отталкивался от кафеля, в конце концов вжался в него и тёрся затылком о плечо Тхэгёма. Каждый раз, когда Тхэгём грубо дёргал бёдрами, казалось, будто бьют по ягодицам. Когда член насильно раздвигал сжимающиеся внутренние стенки и входил глубже, перед глазами вспыхивали искры. Это было наслаждение, от которого хотелось умереть.

— Пе-рестань... Блядь, Тхэгём... Пожалуйста... — взмолился Хэвон, ухватившись за руку Тхэгёма.

Отчаяние душило его. Невыносимо было и это насилие, пробуждавшее в теле неведомые отклики, и то, как само это тело, вопреки воле, замирало в конвульсиях наслаждения. Сплошная пытка.

— М-м-м!...Прекрати! Хватит...

Тхэгём перевёл взгляд с Хэвона, вот-вот готового расплакаться, на зеркало, и его глаза расширились.

— Вау, бля... Эй, Хэвон, а... Посмотри-ка. В зеркало.

Тхэгём с широкой ухмылкой замер. В маленьком зеркале, забрызганном спермой, отражался торс Хэвона. Тхэгём поднял руку, державшую чистый член, и потер его плоский низ живота. Оттянул бёдра назад.

— М-м-м...

И снова вогнал до конца. Хэвон задрожал.

— А-ах!..

— Смотри... сюда... на мой член...

Сухая кожа живота выпятилась бугром. Тхэгёма, который медленно двигал бёдрами, вода рукой по низу живота Хэвона, накрыло невообразимое упоение. Это не было иллюзией. Каждый раз, когда он вгонял член внутрь, на белом животе проступал слабый контур.

— Ох... Юн Хэвон, серьёзно...

— Пожалуйста, пожалуйста, прекрати... ублюдок...

Ему совсем не хотелось понимать, что говорит Тхэгём и зачем трогает его живот. Ему просто хотелось вырваться. Хэвон не был знаком с тем диким, жестоким наслаждением, которое приносила эта странная связь. Секс всегда такой? Или это из-за Ко Тхэгёма? Что бы это ни было, он хотел, чтобы это прекратилось. Но Тхэгём, крепко держа его трепещущее тело, продолжал двигаться.

— М-м, хватит... Пере-стань...

— Ах... Чёртовски хорошо...

Тхэгём, удерживая Хэвона, который пытался свалиться в изнеможении, яростно двигал бёдрами, вознаграждая себя за всё время ожидания. Снова и снова. Пока в конце концов Хэвон не зарыдал, испуская вопль.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/13959/1324133>